

Андрей ПУЧКОВ

ЭТО МАЙ-ВЕСЕЛЬЧАК — У ФОФАНОВА, ВОРОБЬЯНИНОВА И БЛОКА

Незатейливые «майские строки» сделали популярными благодаря И. Ильфу и Е. Петрову, которые использовали их в романе «Двенадцать стульев» (глава XX «Музей мебели»), вложив в сладострастные уста Ипполита Матвеевича. Его диалог с полуголодной Лизой, бежавшей от мужа-вегетарианца, записан так:

«— Нет, давайте встретимся на воздухе. Теперь такие погоды замечательные. Знаете стихи: “Это май-баловник, это май-чародей веет свежим своим опахалом”.

— Это Жарова стихи?

— М-м... Кажется»¹.

В комментариях к роману «Двенадцать стульев» составители — М. П. Одесский и Д. М. Фельдман — указывают, что Воробьянинов цитирует строки стихотворения Константина Михайловича Фофанова (1862–1911) «Май» (1.05.1885, опубл. в 1887 г.²), или, «что более вероятно, романс, весьма популярный в 1910-е годы»; что стихи Фофанова, считавшегося декадентом (так он и есть декадент), Лиза приписывает А. А. Жарову — «известному ком-

¹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с коммент. М. Одесского и Д. Фельдмана. — М.: Вагриус, 2000. — С. 178.

² Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1962. — С. 61. Стихотворение впервые опубликовано в: Фофанов К. Стихотворения. — М.: Изд. А. С. Суворина, 1887.

сомольскому поэту, автору популярных в 1920-е годы песен»³. Партийный версификатор Александр Алексеевич Жаров (1904–1984) к моменту создания «Двенадцати стульев» имел 23 года от роду и был автором пионерского шлягера «Взвейтесь, кострами» (1921), одним из организаторов издательства «Молодая гвардия», бодрым комсомольским функционером. Едва ли Ильф и Петров знали, что к моменту написания «Мая» и Константину Фофанову было 22 года (родился 18 мая). Но мы-то знаем, что Евгению Петрову в 1927-м было 24, Илье Файнзильбергу — 30.

В экранизации романа (авторы сценария Владлен Бахнов и Леонид Гайдай, режиссер-постановщик Л. Гайдай, «Мосфильм», 1971) этот диалог переиначен:

— *Ой, нет, встретимся на свежем воздухе. Сейчас такие дивные погоды стоят. «Это май-весельчак, это май-чародей веет свежим на нас опахалом»,* — изображая опахало, то, как оно на них веет, и вождельно сжимая руку Лизы (Наталья Варлей), говорит Воробьянинов (Сергей Филиппов).

— *Это Маяковского стихи!* — радостно реагирует Лиза.

— *Да, кажется*⁴.

Жаркая ирония в упоминании имени Жарова рядом с декадентски-слащавым Фофановым, предшественником символистов, алкоголиком и вообще несчастным человеком, а в фильме Гайдае еще и замененного Маяковским (который ну уже никак не мог быть поставлен в один ряд с Жаровым) в устах Воробьянинова превращает фофановскую цитату в оплеуху и Музею мебели (в залах которого она звучит), и маю, в котором престарелый якобы «38-летний» бывший аристократ и кутила пытается увлечь собой молоденькую барышню, и самому Воробьянинову. Скажем, у Бендера эта цитата выглядела бы

³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Первый полный... — С. 422.

⁴ Справедливости ради стоит указать, что в экранизации романа Марком Захаровым (4-серийный, 1976) в этом диалоге упоминание Жарова опущено, и Лиза (Т. Божок) сразу приглашает Воробьянинова (А. Папанов) встретиться у несгораемого шкафа. Если в 2-серийном фильме Ульрике Оттингера (Германия, 2004) диалог передан текстуально точно, то в 2-серийном же Максима Паперника (2006) эпизод в Музее мебели опущен вовсе: немцы оказались более бережными с оригиналом советских писателей. Кинематографическая интерпретация Мела Брукса 1970 г., экстравагантная сама по себе, конечно же, не в счет.

показным фарсом, в лексиконе «светского льва» это — ядовитейшая сатира, танковый наезд на сентиментальность. Пожалуй, Бахнов с Гайдаем из деликатности заменили Жарова на Маяковского: в 1971-м Жаров был еще жив, и неизвестно, льстила ли ему такого рода дюжинно-стульная популярность. Чтобы еще больше заострить смехотворность момента, авторы добропорядочно путают акцентный стих (дольник) Маяковского с каким-то античным амфимакром Фофанова (с анафорами «это»), и здесь точно полагается живот надорвать со смеху. Недаром у Фофанова май «веет свежим *своим* опахалом», а у Бахнова–Гайдая «веет свежим *на нас* опахалом»: в контексте оригинальной версии две строчки, трижды выскальзывая рефреном в конце четных строф, создают константно жалостливый мотив, мол, «всё очень плохо»⁵, и опахало принадлежит маю, который только снисходит к читателю, чтобы повеять на него. У Бахнова–Гайдая опахало занято прямым делом: веет на Ипполита Матвеевича и Елизавету Петровну, да еще как веет. Может, именно этот вспомненный Воробьяниновым май, приторно лирический, спровоцировал фиаско на аукционе, публичный позор и принудил к концу зимы, побродив по Российской Федерации, криком раненой навывлет волчицы посреди утренней Москвы завершить неудачный поиск сокровищ. Как знать, если бы не этот май-весельчак, удалось ли Ильфу и Петрову завязать поисковый сюжет: не прокути Воробьянинов с Лизой мече-оральские деньги, врученные Бендером, не оскандалься они оба, состоись бы аукцион, и роман можно было бы не писать. «Май-чародей» — переломный момент романа, главная завязь его интриги.

Однако в стихе Фофанова к концу шестой строфы заерзанное действием опахало начинает надоедать, и читатель уже знает, чем занят май, когда «Бледный вечер весны и задумчив и тих, / Зарумянен вечерней зарею, / Грустно в окна глядит; и слагается стих, / И теснится мечта за мечтою» итд. Думается, Бахнов и Гайдаи знали источник цитаты в 20-й главе романа — фофановское стихотворение.

А вот знали ли это стихотворение Ильф с Петровым? Во всяком случае,

⁵ «Что-то грустно душе, что-то сердцу больней, / Иль взгрустнулося мне о бывалом? / Это май-баловник, это май-чародей / Веет свежим своим опахалом»; — «И дрожит под росой душистых полей / Бледный ландыш склоненным бокалом, — / Это май-баловник, это май-чародей / Веет свежим своим опахалом»; — «О, как счастлив бы стал я любовью твоей, / Сколько грез в моем сердце усталом / Этот май-баловник, этот май-чародей / Разбудил бы своим опахалом!..».

в записных книжках Ильфа ни Фофанов, ни его майский стих не упоминаются. Может, действительно правы М. П. Одесский и Д. М. Фельдман, когда утверждают, что основой для цитаты был «романс, весьма популярный в 1910-е годы»? Как бы ни было, в единственном добротном собрании русских романсов, подготовленном Валентиной Мордерер и Мироном Петровским, «майского» текста нет⁶, и это хороший сигнал к тому, что едва ли «Май» Фофанова обрел в 1910-х романсовую форму.

Если стишок про май оказывается в «Двенадцати стульях» шарниром, на котором сюжет как бы поворачивает в «другую сторону», не стоит ли вспомнить, отчего именно майский «баловник» (нет-нет, не пресловутый интернациональный праздник «Первое Мая»), а не какой-нибудь иной, пришел на память Ипполиту Матвеевичу, то есть Ильфу с Петровым, в столь пикантной обстановке. Ведь не только оттого, что действие происходит именно в мае?

Помнится следующее. Майские (или цветные) забавы в Европе совершались издавна. В Риме и почти во всей Италии горожане первого мая толпами покидали города, выходили в поле, и с утренней зарей, с музыкой и пляской активно веселились. Наломав зеленых веток, они возвращались по домам, остаток дня и ночь проводили в безделицах и праздности. Поначалу простодушные, пляски постепенно переходили в сладострастные, и ритуальный грех по случаю прихода весны будоражил население больших и малых городов средневековой Европы. Ведь Майя (дочь Атланта и мать Меркурия), по имени которой назван месяц, — богиня земли и плодородия. Тогда же девушки и юноши, избрав среди себя наиболее подходящую барышню, называли ее богиней мая, надевали свежий венок, обвивали стан березовыми ветвями и отправлялись к зеленому дереву, подле коего плясали и пели, повторяя: «О, майя, майя».

У 32-летнего Александра Блока в подготовительных материалах к псевдомедиевистской драме «Роза и Крест» (1912–1913 гг.), да и в самом тексте сценария, много места отведено этим майским празднествам. В. М. Жирмунский, специально обративший внимание на творческую историю «Розы и Креста» (1964 г.), подчеркивает, что «к богатому реалистическими подробностями бытовому фону провансальского романа относятся <...> описания народных обычаев, связанных с на-

⁶ Ах романс, эх романс, ох романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Я. Мордерер, М. С. Петровский. — [2-е изд.] — СПб: Герань, 2005.

ступлением весны: “Согласно местному обычаю, во время пасхи, после ужина, принято было танцевать и развлекаться в соответствии с временем года. В эту ночь сажали май” — то есть срубленные молодые деревья со свежей весенней зеленью, “и это явилось поводом для новых развлечений”. Мимо Гийома [де Невера] («совершенный рыцарь», один из персонажей драмы. — А. П.) проходят девушки, накануне вечером сажавшие май, и поют “майскую календу” ... В первых черновых набросках к пьесе сцена состязания жонглеров на майском празднике (в окончательной редакции — действие IV, сцена 3) так и озаглавлена — “Майские календы”. Материал для этой сцены Блок с самого начала тщательно собирает отовсюду. Сцена весеннего народного праздника с хоровыми песнями и плясками и состязанием жонглеров до конца сохранила в драме Блока свой первоначальный, по преимуществу зрелищный, оперный характер. Поэтому она потребовала богатого конкретного историко-бытового материала по весенним праздникам, обычаям и песням средневековой Европы⁷. Этот материал Блок черпал из общения с Евгением Васильевичем Аничковым (1866–1937), русским филологом, историком западноевропейских литератур, фольклористом и писателем (Корней Чуковский в «Чукоккале» наименовал его «усердным посетителем всех литературных диспутов, лекций, похорон, юбилеев, красноречивым оратором»), из двухтомной его монографии «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (ч. I: От обряда к песне. — СПб, 1903. — 426 с.; ч. II: От песни к поэзии. — СПб, 1905. — 416 с.).

В. М. Жирмунский пишет: «Выписки из Аничкова в рабочей тетради [Блока] (тетр. 1, л. 146–15а), как и подчеркнутые места его книги, выделяют исторические и литературные свидетельства о майских обрядах и песнях и, в особенности, самые тексты песен в прозаических переводах Аничкова. В авторском комментарии к драме Блок непосредственно ссылается на Аничкова по поводу маленькой вступительной сцены к картине майского праздника (действие IV, сцена 3): *“Цветущий луг. Девушки (с майским деревом, поют):*

Вот он май, светлый май,
Вот он, светлый май!”

<...> Пояснение, которое Блок дает в примечании: *“Майское дерево — столб, украшенный цветами и лентами, — носили девушки в венках и с песнями*

⁷ Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест»: Литературные источники // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — С. 276.

или возили на телеге, запряженной волами”, — воспроизводит с небольшими изменениями заметку из рабочей тетради, представляющую извлечение из книги Аничкова: “Майское дерево — огромный столб, убранный листьями и всякими украшениями. Установлен на большой телеге, которую тащит пара волов при веселых криках “окружающих” (I, 127). Песня, поющая при этом (128)”. Песня девушек, как сообщает Блок в том же примечании, представляет обработку “trimouzettes”, то есть песенных весенних приветствий. “Толпы молодежи, — пишет Аничков, — парней и девушек, иногда детей, переходят из дома в дом по селу или в городе. В особой песенке они высказывают разные пожелания хозяевам и ждут в награду гостинца или денег”. Блок ссылается в примечании на использованную им “тримузет”, приведенную у Аничкова:

C'est le mai, le joli mai,

C'est le mai, le tri ma ça.

В переводе Аничкова текст этой “тримузет” звучит так: “Вот май, вот прекрасный май, вот! Добрая хозяйка, ради великого бога сделайте доброе дело, <дайте> яиц от ваших кур, денег из вашего кошелька. Вот май, вот прекрасный май, вот...” ... Песни жонглеров на майском празднике также были подсказаны Блоку старинными французскими и провансальскими песнями из книги Аничкова»⁸.

Если историко-культурный подтекст рефрениющего, как и в стихе Фофанова, анафорического мотива майских вакаций в пьесе «Роза и Крест» А. Блок очевидным образом черпал из книг Е. В. Аничкова, то Ильф и Петров вполне могли помнить «Розу и Крест» — чтение всякого культурного человека 1910-х, тем более не чуждого пера.

Присмотримся. Не углубляясь специально в сюжетную канву, напомним, что в третьем и четвертом действиях «Розы и Креста» на цветущем лугу поутру паж Алискан гневается на одну придворную даму, Алису, не пришедшую на свидание, и предается мечтам о другой даме, Изоре — жене графа Арчимбаута. Принеся труверу Гаэтану одежду жонглера, сторож графского замка Бертран (по прозвищу Рыцарь-Несчастье) видит у Гаэтана черную розу, и просит ее в подарок. На майском празднике Алискан посвящен в рыцари. Менестрели состязаются в пении: песнь о войне отвергнута графом Арчимбаутом, зато

⁸ Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест»... — С. 276–277.

песнь о любви к девушкам и родному краю удостоена награды. Наступает очередь Гаэтана. После его песни о Радости-Страданье Изора картинно лишается чувств. Гаэтан пропадает в толпе. Очнувшись, Изора обращает внимание на Алискана. Тем временем к крепости приближаются восставшие. Бертран сражается лучше всех: защищавшие крепость именно ему обязаны победой. Но граф отказывается признавать очевидное, хотя и освобождает раненого Бертрана от стражи. Тем временем неверная придворная дама Алиса договаривается с капелланом о полночной встрече, а Изора, истомившись сердечным бездельем, просит сторожа предупредить о приходе нежеланных гостей во время любовного свидания; в роли любовника неожиданно выступает Алискан. Но их свидание открыто хитрой Алисой и вредным капелланом, который зовет графа посмотреть. В этот миг отягченный ранами Бертран падает замертво, грохоча доспехами. Звучком выпавшего меча он спугивает Алискана, юноша скрывается бегством, и врывающийся в покои супруги граф никого не застаёт. Итд.

Вроде бы сюжет с майскими празднествами протекает меж тугих узлов драмы (местами смахивающей на сюжеттику «Женитьбы Фигаро») малозаметным ручейком, но как будто оказывается переломным: паж становится рыцарем, что позволяет ему вести себя соответственно, как мужчине; а отсюда любовные искушения, страсть к приключениям итд. Вопрос, зачем Блоку потребовалось таким образом выстраивать повествование, отложим до лучших времен: Блоку виднее, как выстраивать композицию.

Важно другое. Мирон Петровский пишет, что «Блок сознательно соизмерял свою лирику с массовым бытовым романсом, который ему, поэту с преимущественно слуховым восприятием действительности, был хорошо известен с голоса, в реальном звучании. Творчество Блока — несомненная вершина романсовости в русской поэзии. <...> Муза Блока — романсовая героиня до корней волос, и каждое обращенное к ней слово заявляет о своем романсовом происхождении: коварство, хмель, цыганская любовь, золотое аи и странные ласки. <...> Эпоха Блока была отмечена неслыханным в истории отечественной культуры бумом всех поющих жанров, среди которых романс был слышен, пожалуй, чаще других»⁹. Может, описанные обстоятельства дали повод М. П. Одесскому и Д. М. Фельдману рассматривать «Это май-весельчак...» как строчки из «романса, весьма популярного в 1910-е годы»? Может,

именно девичий хор из третьей сцены четвертого действия блоковской драмы «Роза и Крест» надоумил Ильфа и Петрова, наверняка читавших пьесу, вложить в уста одного из концессионеров строчки из псевдо-романсного Фофанова? И не почерпал ли Блок, помимо Аничковой учености, у того же Фофанова мотивы майского веселья? Если эти вопросительные знаки смущают читательский глаз, то в оправдание мне, их восставившему в конце предложений, можно сказать, что поэтическое осмысление ритуально размашистых майских праздников у поэтов Фофанова и Блока и у писателей Ильфа с Петровым основывается на одном и том же источнике: отстоявшейся, будто талая вода, исторической традиции отмечать переход от зимы к весне, от спячки к бодрствованию, от смерти к жизни, от одной сюжетной линии к другой, от правого поворота к левому, и в таких ситуациях перехода ставить вешки идейного и жанрового заострения получающихся производных.

Правда, остаются открытыми два вопроса: если очевидно, что Блок черпал из Аничкова, то откуда черпали Фофанов и Ильф с Петровым? Пожалуй, первый просто прочувствовал майское очарование посредством поэтического воображения, а вторые — действительно воспользовались романсовой формой.

Как бы то ни было, ныне, по прошествии почти 130 лет после сентиментального фофановского стихотворения, почти ста лет после «Розы и Креста» и более восьмидесяти после «Двенадцати стульев», майская ситуация современным поэтам, преодолевающим традицию, как некогда символисты, видится в категориях разочарования и «мировой скорби». Например, у Александра Кошмарова (наверняка псевдоним):

Этот май-баловник, этот май-чародей
Веет свежим своим опахалом,
Я с тоскою и злобой смотрю на людей
Своим грустным предсмертным хлебалом.

Призыв Ипполита Матвеевича, девический хор в псевдосредневеково-провансальской пьесе и романтическое стенание лирического героя Константина Фофанова — единый строй, в котором традиционным шагом шествуют традиционное мировосприятие, зачавшееся в последней четверти XIX века

⁹ *Петровский М. С.* Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Ах романс, эх романс, ох романс... — С. 24–25.

и протянувшееся до конца 1920-х. Осмеянная в одном из лучших произведений советской художественной прозы, эта форма мировосприятия тем самым была преодолена, уступив миниатюрный романтический стул длинной лавке циника¹⁰.

Киев, май 2011 г.

Это май-весельчак — у Фофанова, Воробьянинова та Блока

Пучков Андрій Олександрович, заступник директора з наукових питань ІПСМ НАМ України, доктор мистецтвознавства, професор

Это май-весельчак — у Фофанова, Воробьянинова и Блока

Пучков Андрей Александрович, заместитель директора по научным вопросам ИПСИ НАИ Украины, доктор искусствоведения, профессор

This May, the merry fellow — by Fofanov, Vorobianinov and Blok

Puchkov Andriy, deputy director for scientific issues of the MARI NAAU, DSc in art studies, Prof.

¹⁰ Нельзя ли проследить известную преемственность между символикой «Двенадцати» Блока и «Двенадцатью стульями», как прослеживается сюжетная связь и жанровая композиция «Двенадцати стульев» в «Мертвыми душами» (вставные «гусар-схимник» и «капитан Копейкин»)? Если такое умственное движение и правомерно, это тема иного этюда.